



К. С. Померанец

ОТ РЕДАКЦИИ:

Редакция журнала «История Петербурга» предлагает вниманию читателей отрывок из воспоминаний петербургского ученого, кандидата географических наук, доцента Кима Семеновича Померанца. Он родился в 1930 году в г. Витебске, в Белоруссии. В апреле 1938 года был арестован его отец, который находился в заключении и ссылке до 1955 года. Ким жил с матерью и старшей сестрой. В июле 1941 года их эвакуировали в одну из деревень Куйбышевской области. В 1945 году семья вернулась в Белоруссию, в г. Новогрудок. Там он закончил школу и летом 1948 года в холщовых брюках и пиджаке, перешитом из немецкого кителя, поехал в Ленинград учиться. В 1948–1950 годах он окончил 2 курса Высшего арктического морского училища (ВАМУ) и в 1953 году географический факультет ЛГУ. Впоследствии работал в институте «ДальМорПроект» во Владивостоке (1953–1956); на географическом факультете ЛГУ в 1956–1962 годы; в ленинградском отделении Океанографического института в 1962–1991 годы. С 1991 года пенсионер.

Автор более 50 научных статей, а также книг «Наводнения. Математическая теория и предсказания» (в соавторстве с Р. В. Пясковским); «Наводнения в Санкт-Петербурге»; «Три века петербургских наводнений»; «Погода. Люди. Времена» (совместно с А. В. Десяревым). Последняя его книга «Несчастья невских берегов» увидела свет в 2009 году. Публиковал заметки и статьи в газетах «Петербургские ведомости», «Вечерний Петербург», «Смена», «Секретные материалы XX века», журнале «Нева» и других. Книга «Три века петербургских наводнений» в 2007 году удостоена диплома Н. П. Анциферова.

Нам кажется, что воспоминания К. С. Померанца будут интересны для читателей, поскольку непредвзято передают атмосферу первых послевоенных лет и чувства юноши, впервые оказавшегося в Ленинграде.

С мной поехал одноклассник Леня Жук, золотой медалист, уже зачисленный по предварительному запросу в Военно-морскую медицинскую академию. Ему надо было что-то уточнить. Приехали в конце июля 1948-го. Куда? Конечно, к тете Риве, маминой сестре. Мы не очень задумались, что и она с сыном живет на птичьих правах у брата с семьей в коммунальной квартире. Нас приняли как родных.

Поместили в большой кладовке без окна, уложили на широкий сундук. Спалось прекрасно! Наперебой объясняли, как пройти и проехать. Все знали, что академия – это бывшая Обуховская больница. На другой же день отправились в академию, на Фонтанку, 106, совсем недалеко от места нашей стоянки. Дом тети Ривы располагался на стыке каналов Крюкова и Грибоедова. Зачем я увязался с Ленею, понять и сейчас

не могу. Леня был настроен на медицину. Я же ничего не понимал, никакого влечения к медицине не имел, скорее наоборот, некоторый страх и отвращение. Пришли, сразу нашли приемную комиссию. Дежурил суровый майор с зелеными просветами и медицинским значком на погонах, но в черной морской форме. Ленею подтвердил зачисление, выдал какую-то справку, пожелал гулять и 25 августа быть на торже-

ственном построении. А мне сказал, что прием заявлений закончен из-за множества желающих. Мне бы сразу и уйти, а я попросил попить. Уж очень чистый и слегка запотелый графин стоял на столе у майора... Он даже позеленел: «Выйдите! Вода в коридоре!». А вот почему испугался Ленья, я совсем не понял: «Ты мне чуть все не испортил! Как ты мог!» Я недоумевал: «Ты же зачислен. Что я испортил? Уж и попить нельзя. Видал я эту академию...». В коридоре действительно стоял большой бак с железной кружкой на цепочке. Пить мне совсем не хотелось...

Ленья уехал домой. А я остался в Ленинграде в поисках своего будущего. Легкость в мыслях была необыкновенная! Неизвестно, к чему бы я пришел, если бы не забота тети Ривы и всех обитателей квартиры. Особенно ревностно вникали племянница тети Ривы Бэла Моисеевна, преподаватель географии в Педагогическом институте им. А. И. Герцена, и ее муж Алексей Александрович, преподаватель политэкономии в морском училище. Уговаривали не связываться с училищами, поступать в скромные вузы – в педагогический, в текстильный или вообще вернуться в Белоруссию. Я строил из себя морского романтика, а про себя думал: кто меня кормить и одевать будет в ближайшие 5 лет? Решил добиваться своего. Узнал, что на другом конце города, на Малой Охте, есть еще одно морское училище, высшее арктическое, где продолжался прием заявлений. Поехал, заполнил анкеты, написал, что отец пропал на войне. Допустили к вступительным экзаменам, стали выяснять, на какой факультет хочу. Сказал, на судоводительский, потому что о двух других – гидрографическом и гидрометеорологическом – вообще не имел никакого понятия. Секретарь приемной комиссии Айзик Моисеевич Левкович, ласково глядя синенькими глазками, спросил: «Стремитесь в полярные капитаны? А вы море когда-нибудь видели? Нет? Поезжайте в выходной в ЦПКО, там видно край Балтийского моря. Советую подать на гидрометеорологический факультет. Интересная специальность с научным уклоном, изучает атмосферу и море». Я быстро согласился. Пройдя медицинскую комиссию.

Упрекнули за малый рост и худобу, но подбодрили: «В училище подкормят, а в Арктике поправишься». Пройдя и мандатную комиссию, не моргнув глазом подтвердив ложную версию об отце. Откуда бралась смелость, скорее наглость? Мандатной комиссии боялись все, особенно бывшие в оккупации.

Немного тревожно прошли вступительные экзамены, но все обошлось. С 1 сентября 1948 года зачислили курсантом гидрометеорологического факультета Высшего арктического морского училища. Так я определил себе профессию на всю жизнь, не имея, по существу, ни малейшего о ней представления... Слабым утешением может служить то, что я был не одинок. Некоторые, правда, объявляли себя патриотами Арктики, но вскоре признавались в лукавстве. Были, хотя и совсем немногие, вполне сознательно избравшие специальность полярного гидрометеоролога, но и с ними судьба распоряжалась по-своему... Подавляющее же большинство были деревенские и провинциальные ребята, с благословения родителей, особенно матерей, без оглядки оставившие нищие колхозы и унылые городки, чтобы пожить в Ленинграде на казенный кошт...

До начала занятий гулял, пытался узнать город. Все было ново, все интересно! Удивлялся, как можно жить в таком большом знаменитом городе. Запомнилось знакомство с центром. Тети Ривины домохозяйки посоветовали поехать на Дворцовую, на Неву: «Пройди по Крюкову, выйди на Театральную, садись на восьмерку». Так и поступил. Дни были тихие, солнечные, но не жаркие. Никольскую церковь как-то не заметил, Крюков канал успокоил. Восьмерка в один вагончик тоже показалась домашней. Исаакий впечатлил, даже немножко устроил, Адмиралтейство же заинтересовало. «Дворцовая», – тут же объявила кондуктор. Выскочил и почему-то, не глядя по сторонам, ткнулся в газету, вывешенную на ограде сада. А там сообщение о покушении на главного итальянского коммуниста Пальмиро Тольятти. Подумалось: «Вот сволочи, фашисты...». Еще немного почитал и, наконец, взглянул направо. Передо мной распростерлось громадное каменное, почти безлюдное пространство, с гранит-

ным столбом в центре, а на столбе еще какая-то фигура. В какой-то миг показалось, что площадь встает передо мной стеной. Попятился, сел на гранитные столбики ограды. «Тебе плохо, мальчик?» – спросила прохожая. «Нет, нет», – забормотал я. Сколько я так просидел, потом простоял – не знаю, но ощущение громадности долго не проходило. Вскоре подобное повторилось уже в училище, когда в ветреный осенний прозрачный день мы перегоняли шестивесельный ял с Малой Охты на остров Вольный, и нам открылось море. Не знаю, как у других, но у меня захватило дух. Потом оказалось, что это только начало моря, и вообще тут, у Вольного, больше суши, чем воды. На Дворцовой тогда постоял с края, потом тихонько поплелся к центру, не решился свернуть на мост, не загляделся на Зимний дворец, а повернул направо, под плавно изогнутую арку. Вышел на широкую улицу, догадался, что это Невский, показавшийся бесконечным. Скоро совсем пришел в себя. Кое-как добрался до Крюкова канала, а на вопросы «как Дворцовая? как Невский?» не знал, что и ответить...

Вскоре после зачисления всех поступивших поселили в общежитии, пристроенном к главному зданию на Заневском проспекте, 5. Малая Охта в 1948 году была почти пуста, только несколько довоенных зданий, но очень больших. Пятиэтажное здание училища было построено в середине 1930-х специально для Гидрографического института Главсевморпути после успехов страны в освоении Арктики. Оно и сейчас выделяется мощными колоннами при входе и куполом астрономической обсерватории на крыше. Общежитие состояло из ряда комнат, по-морскому, «кубриков», в которых были установлены двухъярусные койки с тумбочками на двоих. Длинные коридоры, ленинские комнаты на каждом этаже, баталерка, куда мы сдали свои чемоданы и мешки, просторный галльон на несколько мест с умывальниками, санчасть и огромная столовая с камбузом на первом этаже. Сразу предупредили о соблюдении порядка и ограничении выхода в город, хотя кормить начали позже. Выдали форму. Это стало событием! После наших послевоенных разношерст-

ных обносков, которые, кстати, сдали на хранение в баталерку, мы ахнули! Особенно деревенские и иногородние. Каждому – полное морское обмундирование! Нижнее исподнее, включая гордость флота – полосатую тельняшку, черные штаны морского покроя с клапаном вместо привычной прорехи с пуговицами, форменка с гюйсом – синим платком-воротом с белыми полосами, роба – рабочие штаны и форменка, ремень с морской бляхой, а на ней якорь, две пары ботинок – парадные и рабочие, черные шинель, бушлат и фуражка, как оказалось, предмет особого отличия нашего училища, единственного в Ленинграде, не носившего матросские бескозырки (без романтики, зато солидно...), набор нашивок и даже два носовых платка. Это богатство тащили в кубрики в несколько приемов. Все добротное, новое, суконное. Одна беда: все большое, широкое, длинное. Особенно для меня и мне подобных недомерков, которых оказалось не так и мало среди послевоенных ребят. Началась бурная суэта с подгонкой и перешивкой всех вещей. Кажется, работала даже швейная мастерская при училище, но действовавшая по правилам: никаких клешей или «дудочек», никаких приталенных бушлатов и шинелей. Многие по подсказке старшекурсников обращались в городские мастерские, рискуя наказанием за нарушение формы одежды. Сложнее было с обувью. Моего, 38-го, размера просто не было. Обошелся 39-м. За пару дней до учебы сводили строем в ближайшую баню, откуда мы вышли неузнаваемыми. Распределили по группам, взводам и ротам. Я оказался в группе «О-106», что означало «океанология, 1-й курс, 6-я группа». Эта же группа составляла взвод, а рота, в которую входило несколько групп-взводов, оказалась за номером «3». Взводными назначали бывших фронтовиков. Они были на 3–5 лет старше нас, но это были совсем другие люди...

И еще одно событие, не менее значимое, предшествовало учебе. Начали кормить! Трижды в день! И довольно обильно, и очень даже неплохо, с компотом, а иногда и с пирожками...

Наступило 1 сентября 1948 года. Началось учение в Высшем

арктическом морском училище. Все было не только торжественно, но и строго. Все строем, все по команде. Это не очень радовало. Сначала построение во дворе училища на Заневском, 5, потом выступление начальника училища в большой аудитории. Было сказано немало, но запомнилось одно: «Каленым железом будем выжигать нарушения дисциплины!». Даже вздрогнул, и не я один. Потом развели по аудиториям, но занятиям предшествовало трагическое объявление: умер один из руководителей ВКП(б) и государства – товарищ Жданов... Но жизнь не остановилась, и пошли курсантские будни...

В 7 утра подъем. Взводный Володя Иваненков, бывший флотский старшина-балтиец, впоследствии доктор географических наук, тонко и громко кричал «Орелики! Всем подъем!». Сначала было даже интересно – «как на флоте!», но очень скоро это опротивело до невозможности, ухитрились «добирать, покемарить» еще минут 20. Потом зарядка в трусах, тельняшках, тяжелых ботинках во дворе, иногда на Заневском. Но и здесь неблагодарные курсанты, рискуя нарядами вне очереди, убегали на верхние этажи, скрывались в галюнах, всякими хитростями избегали заботу о своем физическом развитии. Заправка постелей, оправка, умывание, одевание, уборка помещений, передача дежурств дневальным – эти детали распорядка преодолевались легче. Но иногда и они приводили к неприятностям, особенно для первокурсников-«салаг». Много зависело от дежурного офицера. Мне доставалось из-за медлительности, но по мелочам. Около 9 заканчивали приятное дело – завтрак, и строем в учебный корпус получать знания. В 15.00 – обед, шумный, веселый, но под надзором старшин и дежурного офицера. С 17.00 и до ужина – самоподготовка: сплошная трепотня, по-морскому – травля; подготовкой заданий занимались единицы. После ужина опять приятное безделье, скука, вечерняя прогулка строем с песней: «Бескозырка, ты подруга моя боевая» и т. д. В 22.00 – отбой, но обычно не до сна... На первом курсе долго, до октябрьских праздников, не отпускали в увольнение. Начались «самоволки» со всякими приклю-

чениями, нарядами вне очереди, угрозами отчисления...

Учеба интересовала по-настоящему, пожалуй, весь первый курс. Сразу почувствовали уровень преподавания. Физика – профессор Маньков, интеллигентного, старомодного вида, хотя и не старый, читал доходчиво, наглядно, интересно: «Броуновское движение, подобно толчее на трамвайных остановках; ах, я запомнил, что вас не пускают в город...». Метеорология – профессор Кедровливанский, добродушный толстяк, автор толстого учебника по метеоприборам (меня не привлекало, но читал замечательно). Химия – доцент Вульфсон, легко играл таблицей Менделеева, как не вспомнить школьного химика... Практическая математика, не так уж и сложно, если вникнуть, а не болтать: старший преподаватель, балагур Сякин: «Вот пошли времена: здоровущие парни сидят в теплых классах, а юные девушки красят стены на улице..., и прекратите подглядывать в окно, лучше займитесь анализом бесконечно малых». Основы марксизма-ленинизма – доцент Ходырев, спокойный, убедительный, открывший немало деталей в, казалось бы, предельно ясном предмете, призывавший к вопросам, «...но что-то курсант пошел нелюбознательный». Океанология – доцент Иван Сергеевич Никитин, красавец-мужчина, рассказывал больше не о морях, а о происшествиях на участках женщин (не сразу узнали его прозвище «Иван-Царевич...»). География – доцент Герасименко: «Вы на Севере не бывали? Нет? А какого, полагаете, роста северный олень?». Очаровательная молоденькая «англичанка» Ревекка Иосифовна: «Комрад Пастухов, переведите, пожалуйста, только не путайте: импотент, что значит важный, ударение на по; комрад Лифшиц, повторите правильно..., нет, краснея, опять не так». Военно-морское дело – огромный подполковник-артиллерист: «Один выстрел главного калибра стоит почти 1000 рублей... Курсант с места: “Сколько же это батонов?” – На дурацкие вопросы не отвечаю...». Судовождение – заслуженный полярный капитан Николаев (этой романтической профессии нас, гидрометеорологов-«ветродуев», учили недолго и не

слишком серьезно). Геодезия – для меня самый сухой и трудный предмет – доцент Звонарев (сам себя называл с ударениями на первый слог; ростом – меньше меня, что многих веселило; у доски часто взбирался на стул со словами «человек – царь природы»; задавая вопросы, приговаривал: «Странно, странно»; курсант терялся: «Почему?»). Уныло отвечал: «Потому что верно». Не всех запомнил, да и запомнилась всякая ерунда, но атмосфера добротного обучения была явной. К концу первого семестра все стало привычным. Впрочем, первыми экзаменами пришлось озаботиться. Предупредили: двоечников в отпуск не отпускают. Я сдал как-то спокойно. В отпуск отпустили. Но были и двойки, и пересдачи.

На первом курсе проводились разные мероприятия, довольно интересные. Была встреча с женой прославленного героя – Георгия Седова. Привели в главную аудиторию под ручки очень старую бабушку, посадили в кресло перед сотней курсантов, и она еле слышно говорила, что ее муж, стремившийся покорить Северный полюс и страстно ожидавший социалистическую революцию, пал жертвой царского режима. Состоялась встреча с писателем Львом Кассилем, зажигательно рассказавшем об участии в походе на крейсере вокруг Европы. Лекция так и называлась «Европа слева». Правда, говорил писатель больше о тяжелой доле трудящихся капиталистических стран, чем о флоте и географии. Событием было посещение Всесоюзного Географического общества. Построили 1-й и 2-й курсы, привели на трамвайную остановку, поехали (бесплатно!) с Малой Охты до Сенной площади (некоторые разбежались...), пришли опять же строем в замечательное здание в Демидовом переулке (Гривцовым он стал именоваться позже...). Это было знакомство с городом, для большинства едва ли не первое, сидели в трамвае, разинув рты. Присутствовали при историческом событии: сообщении президента ВГО академика Л. С. Берга об открытии Антарктиды в 1821 году русскими моряками на шлюпах «Восток» и «Мирный» под командованием Беллинсгаузена и Лазарева и на этом основании полных прав СССР на этот материк. Вел засе-

дание ученый секретарь Общества профессор Калесник, очень симпатичный, похожий по мнению многих курсантов, на Чехова. Решения ВГО направлялись в правительство. Увидели своими глазами ведущих географов, студентов университета, пытались завести знакомства, восхитились помещением Общества, портретами президентов и путешественников.

Из внеучебных занятий понравилось участие в курсантском хоре. Репертуар – преимущественно морской. За пение «Варяга» заслужили благодарность начальства. Еще запомнилась новогодний бал, встреча 1949-го, девицы из института им. А. И. Герцена, «иняза», педиатрического, неумелые танцельки, бестолковые разговоры, но весело и звонко. Некоторые завели знакомства, стали ходить по театрам и т. д. Я с большей частью товарищей по группе «О-106» дурачились, балагурили, зубоскалили.

Осталось в памяти участие первокурсников в сентябрьском пробеге по центральным улицам Ленинграда на приз газеты «Смена». Условия были суровые: команды по 10 человек от разных районов бегут от площади Восстания по Невскому, Дворцовому и Строителей мостам, по набережным через Литейный мост и по Литейному до Невского. Если хотя бы один из 10 отстал или нарушил, снимается вся команда. Правда, норматив по времени не устанавливали. Главное – пробежать. Училище выставило за Калининский район несколько десятков из нас, салаг, совершенно не тренированных, еще не окрепших после поступления. При удачном результате нам пообещали увольнение. Почему не выставили второ- или третькурсников, среди которых были даже разрядники, непонятно. И вот, в выходной теплый день на глазах многочисленных гуляющих мы бежим в новых обтягивающих тельняшках, черных сатиновых трусах, новых тяжелых ботинках на негнущихся подошвах. Добежав до начала Невского, до Дворцовой большинство и я в том числе, уже не бежали, а трусили. Кто-то на мосту вскочил на подножку трамвая, к возмущению остальных: снимут с пробега! Кого-то, действительно, сняли. Но наша десятка из «О-106» добежала. Кто-то натер ногу, у

кого-то от пота стали литься трусы. Но – выдержали! Благодаря участию училища Калининский район занял в общем зачете 1-е место. Гордились весьма! Потом расстроились: в увольнение почти никого не пустили. «Города еще не знаете...». А старшекурсники еще и издевались: «Вы, дураки, аж похудели; когда сачковать научитесь?». Случались мелкие неприятности, например, несколько драк с охтенской шпаной. Начальство и старшекурсники предупреждали: за это могут отчислить. Но обошлось...

К концу первого курса вполне освоились. Но появились, и не только у меня, раздумья-сомнения. Кто мы? Зачем мы? Что делать будем? Наблюдать погоду на полярных станциях? Всю жизнь? Зарплата хорошая, но долго в Арктике все же не живут. Участвовать в секретных экспедициях? В научные работники Арктического института пойдут избранные и проверенные. Учат неплохо, но на инженерную производственную работу нас не возьмут. Одеть погоны лейтенантов военно-морского флота? Примеры и возможности есть. Девушкам понравиться? Неплохо, но, когда любят за погоны, нет, что-то не то... Сомнения, однако, были смутные, а реальность вполне подходящая: сыты, одеты, думаем об отпуске. Но сначала сдаем весенние экзамены 1949-го года и отправляемся на летнюю практику. Я сдал досрочно и увязался на практику со вторым курсом: подготовить базу для практики на острове Тиуринсаари (ныне – Западный Березовый). Я вообще сдружился со вторым курсом, с группами «О-204» и «О-205». Там почти все были веселые и... серьезные. Говорили, что надо учиться, несмотря ни на что: «знания не пропадают». В то же время чуть ли не прозвищами были: «отличник», «долбежник» (зубрила) и совсем непонятное – «идейный». Это, когда кругом только и слышно: «следовать идеям партии, быть верными идеям Ленина–Сталина». Я такого не понимал: как это в городе Ленина, в морском училище можно быть безыдейным. Очень скоро убедился: «идейные» – это подхалимы, доносчики, выскочки и вообще плохие люди. Не надо с ними связываться, надо быть от них подальше и все будет хорошо. Эх, если

все было бы так просто... Общение с второкурсниками при подготовке базы к практике оказалось для меня весьма полезным. С некоторыми сдружился надолго. Не понятно, как сложилось, что большинство из них после окончания училища были направлены не в Арктику, а в Арктический институт и в Москву в академический институт океанологии. Просто способные люди нужны везде. С моим курсом получилось уже по-другому.

Практика – просто сказка. Доезжали по железной дороге до Приморска (тогда еще Койвисто), откуда на катере на училищную базу, на остров. Сосновый лес, уйма черники и грибов, финские скалистые шхеры, песчаные пляжи, чистейшая вода. Ловим рыбу, в том числе редкую: угря, миногу. Теперь такой рыбы во всей Балтике не сыщешь. Спим в палатках, режим довольно вольный. Изучаем практическую метеорологию, производим топографические съемки местности, выполняем гидрологические работы со шлюпок. Ходили под парусом и на веслах в Выборг. За какую-нибудь неделю делаемся черными. Одна беда – комары, особенно в пасмурную погоду. На острове – явные следы войны: колючая проволока, развороченные финские доты, несколько разбитых небольших пушек, кучи пороха, стреляные гильзы. Все это – забава для курсантов, повод к романтике. При всякой возможности лезем в воду. Но у меня с плаванием не очень, далеко не заплываю...

После практики и зачетов – отпуск. Тихий яблочный Новогрудок, сбор одноклассников, почти все студенты, по городу и в школу – в морской форме, учителя удивляются, хвалят. Одним словом – сплошной праздник. Мама рада... Быстро летит время и снова – Ленинград.

На втором курсе (осень 1949 года – весна 1950 года) уже почти ничему не удивляемся, полувоенный режим все больше тяготит, а меня – тем более: с 4–5-го курсов исчезают несколько человек. Говорят, за скрытие анкетных данных, причем с какими-то волчьими билетами без права продолжать высшее образование. Это страшновато. Да и вообще что-то происходит. Исчезает профессор Маньков, на какое-то время исчезают несколько преподавателей, но возвращаются. Лекции

по марксизму-ленинизму читает не Ходырев, а другой, и читает по-другому: скучнее, но громче. У тети Ривы бывал редко, а когда навестил, вижу грустных обитателей квартиры: Алексей Александрович уволен из мореходки, перешел на какой-то завод экономистом. В училище не читаем газет, они где-то в красном уголке. А, если и читаем, то больше про страны народной демократии, там кого-то разоблачают, судят. Откуда нам знать, что во всю раскручивается «Ленинградское дело».

Некоторое разнообразие произошло со мной в начале второго курса: определился со своими спортивными занятиями. Никто не заставлял, уже можно было ничем специально не заниматься. Но почти весь народ распределился по секциям – все же какая-то польза и проведение времени. Решил пойти в секцию бокса. Тем более, что это позволяло два раза в неделю с четырех до шести-семи вечера отлучаться из училища. Оказался в наилегчайшем весе (48–50 кг). Тренер Крутов, чемпион страны 1944 года, отметив победу, попал под трамвай и лишился ноги ниже колена. Забавно было смотреть, как он скакал на тренировках, как, надев тренерские лапы, передвигался по рингу. У меня чаще всего не находилось спарринг-партнеров, и он ставил меня со средневесами. Мне доставалось, разумеется, но когда приходили недомерки из ремесленного училища, я вроде бы справлялся. Крутов наставлял: «Чего ты ждешь удара? Почему не бьешь первым? У тебя же пушечный удар! Ты теленка можешь с ног сбить! А ты ждешь, ты по природе не боец... И будут тебя бить, если не полезешь первым. Будь хулиганом...». Мне в общем нравилось, особенно когда заканчивались тренировки... Я прозанимался три года, выступал на городских соревнованиях новичков, до третьего разряда не дотянул одной победы.

После окончания второго курса нервы у меня не выдержали, и я, ни с кем не посоветовавшись (да и не с кем...), написал донос на самого себя: скрыл правду об отце. За несколько дней до отъезда «на остров» отнес страничку в первый отдел. Ну, думаю, будет скандал! Начнут меня вызывать, воспитывать, позорно отчислять. Но ничего не

произошло. Особист, так, кажется, его называли, быстро прочел мои несколько строчек и тихо спросил: «Экзамены сдал? Ну и хорошо. Поезжай на практику...». Сколько я потом встречал особистов, – все они говорили тихо, вежливо, немножко вкрадчиво. Я даже чуть расстроился: может, никакой перемены со мной и не будет? А я уже хотел перемены, не задумываясь, что меня ждет. На практике – никакого желания учиться, перемены все же предчувствовал. И они наступили. Кто-то приехал из училища и сообщил: «Там в строевой части на тебя приказ заготовлен: отчислить за скрытие анкетных данных». Ну, вот и дождался...

И вдруг на остров прибыл начальник училища, он же известный ученый-океанолог, Игорь Владиславович Максимов. Я, да и все младшекурсники, ни разу его в глаза не видели, до «Теории морских приливов», которую он читал старшим курсам, мы еще не доросли, а на официальных мероприятиях он как-то не появлялся. В общем, фигура недостижимая. Худошавый подтянутый человек с лысиной во всю голову, сын выдающегося ученого-слависта Максимова. Пребывал он на острове несколько дней, знакомился с нашей практикой, проводил совещания с преподавателями, снисходил до разговоров со встречными курсантами, а на 3–4-й день к вечеру через дневального вызвал меня к себе в преподавательский домик. Остались мы наедине, и вел он со мной 2–3-часовую спокойную беседу: «Вы что это задумали? Что делать будете? Надеетесь перейти в железнодорожный институт? Или в институт механизации сельского хозяйства? В политехнический? В институт связи Бонч-Бруевича? Наивный юноша! Да там секретности больше, чем у нас! А какая там сложная математика! А где сейчас отец? В Енисейске? Да-а, старинный сибирский город, традиционное место ссылки. Да-а... Мой вам совет, товарищ курсант: переходите на географию в университет или в педагогический, если надеетесь получить высшее образование. Решайте, думайте. А пока решаете, возвращайтесь в Ленинград и оставайтесь в училище. Я приостановил приказ о вашем отчислении...». Через день-два, заметив меня, отозвал

в сторонку и пригласил возвращаться в город на своем капитанском катере. Стало грустно расставаться с группой, с училищем, с островом. Да и народ вроде заперевживал за меня. Во всяком случае, начался активный сбор обмундирования для меня: старье сдать, а пригодное оставить: «Когда еще ты оденешься в гражданское...». Разузнали день отъезда Максимова и устроили заплывы и прыжки в воду в честь «отчисления Кима» с пением песни «А Померанец, рановато, у него еще дома дела!» на мотив «Фронтowego шофера». И весело, и грустно, и трогательно...

В прекрасный июльский день проехал по восточной части Финского залива, Невской губе и Неве до причала у Заневского проспекта. Максимов с капитаном катера и мотористом быстро пошли в училище, а я с чемоданом (деревянным, новогрудским) тихо поплелся сзади. Даже толком не поблагодарил начальника, неудобно было надоедать и обращать на себя внимание. В училище пропустили, похоже Максимов предупредил. Прошел в общежитие, в свой кубрик, пустой и скучный, покормился на камбузе, где тоже знали обо мне и знакомые сердобольные официантки заинтересовались: «Отчисляются? За что? Ну, пока не выгнали, приходи, всегда покормим». И начались для меня сказочные дни: сплю, ем, гуляю по городу, ухожу-прихожу в училище, когда вздумается. Сдал одежду, остался в новой, никто не упрекнул отчисленного в ношении формы. Ношу клеш, белоснежную форменку, белую фуражку. Впрочем, просто так не болтаюсь, а устраиваю свои дела. Сразу, хотя и с опаской – в университет, на геофак, располагавшийся тогда в конце Менделеевской в здании истфака. В деканате, к удивлению, как будто

ждали. «Проходите, проходите, смелее, к Станиславу Викентьевичу, к декану». Вошел и смотрю: так это же похожий на Чехова ученый секретарь Географического общества! Он начал без лишних слов: «Очень хорошо! Моряки нам нужны». Я стал бормотать, что моря еще толком не видал. «Ну, все еще увидите. Пойдете на кафедру океанологии. В деканате предъявите свою училищную зачетку, там определят, что вам досдавать. Оформляйте зачисление в студенческом отделе кадров, в главном здании. Первый семестр третьего курса придется жить без стипендии. У нас также плохо с общежитием. Вам покажут столовую и библиотеку. Начало занятий 1 сентября. Желаю удачи!». Так, не потеряв ни года, стал студентом геофака ЛГУ. В кадрах написал все об отце. Никакой реакции... Пришел к тете Риве, коротко рассказал, что перевелся в университет. Очень удивились, решили, что у Максимова кто-то сидит. Мелькнула мысль: «А не позаботился ли обо мне Максимов, предупредив своих географических коллег?..». Но выяснять ничего не стал, чтобы не обращать на себя внимания. Так и не знаю, почему мне повезло. На геофаке подсказали, что некоторые преподаватели работают, и мне удалось сдать некоторые зачеты. Как-то обратил внимание на благообразного старичка в сопровождении стайки девиц. Приглядевшись, поосторожился и узнал президента ВГО Л. С. Берга. А он ко мне с рукопожатием: «Здравствуйте, коллега!». Ну, и университет, ну и заведение. Вот где свобода!

Стал собираться в Новогрудок. В те же дни увидел в училище приказ о назначении нового начальника. Сразу же вызвал дежурный офицер и грубо приказал убраться из училища. «Да мне же Игорь Вла-

диславович разрешил...». В ответ: «Пусть Максимов поселяет тебя в своей квартире!».

И. В. Максимов оставался в училище еще лет 20, до конца своих дней, в должности заведующего кафедрой полярной океанографии. А я провел в Ленинграде незабываемую вторую половину лета 1950-го года. Не торопясь, знакомился с городом по-настоящему, вглядывался в людей, удивлялся суете поступавших в университет. Все казались добрыми, хорошими, спокойными. Перевод на геофак скоро стал казаться совершенно закономерным. Совсем не замечал озабоченных печальных лиц, вообще ничего не знал. Скорее не хотел знать, а, главное, не старался понять. Неполные 20 лет – оправдание ли это? Отец, даже мама с сестрой казались далекими, а я сам себе совсем взрослым и самостоятельным. А через много лет оказалось, что именно в те дни трагически завершилось «Ленинградское дело», что в октябре расстреляли блокадных руководителей города, в том числе и ректора ЛГУ Вознесенского, что повсюду шли аресты и завершался разгром гуманитарных факультетов университета, на один из которых я так беспрепятственно перевелся. Да и вообще, «госстрах» в стране достиг кульминации и длился до 1953-го... Через много лет прочел в книге «Люди, годы, жизнь» Ильи Эренбурга: «...Весной 1950-го никто не знал, чем все кончится. <...> 1950-й был годом, когда “холодная война” ежечасно грозила перейти в горячую. Летом загрели пушки в Корее. Правда, Сталин занялся вопросами языкознания, но обыватели закупают соль и мыло. Один старик объяснил мне: “Без соли не проживешь. А если придется умереть, надо в чистой рубахе представиться...”».

